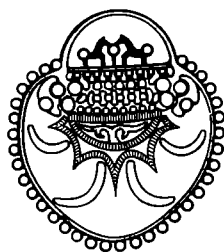

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1967

В. М. МАССОН

ПРОТОГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЮГА СРЕДНЕЙ АЗИИ

Процесс становления и характер древнейших городских цивилизаций за последнее время все больше привлекает внимание исследователей¹. В распоряжении советских ученых имеется и конкретный археологический материал, освещающий эту проблему в Средней Азии и в Закавказье, где расцвет скотоводчества в эпоху бронзы не должен заслонять одновременного развития оседлоземледельческой культуры. О том, что соответствующие процессы восходят к весьма значительной древности, писал еще в 1947 г. А. В. Ардиховский, отмечавший, что так называемая культура Анау III (Намазга IV, V и VI по новой классификации) по уровню своего развития напоминает древневосточные города².

В последние годы всестороннему исследованию были подвергнуты ранние этапы развития культур Анау. В результате оказалось, что эпоха неолита и энеолита на юге Средней Азии лучше изучена и соответствующие памятники лучше опубликованы по сравнению с бронзовым веком. Поэтому возникла необходимость сосредоточить особое внимание на раскопках и изучении материалов памятников бронзового века. Этому и посвящается настоящее сообщение.

В истории изучения памятников эпохи бронзы на юге Туркменистана после раскопок Анау, проведенных А. В. Комаровым и экспедицией Р. Пампелли, наиболее значительным событием было открытие в 1916 г. Д. Д. Букиничем крупнейшего памятника этого времени — Намазга-Тепе. После 1917 г. раскапывались другие поселения: Алтын-Тепе у Меана и Ак-Тепе под Ашхабадом (А. А. Марущенко). К сожалению, материал остается неопубликованным.

Большое внимание памятникам эпохи бронзы уделила Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция³. Б. А. Куфтин установил новую стратиграфию культур, что явилось крупным этапом в изучении энеолита и бронзы Средней Азии⁴.

В 1953—1961 гг. основные работы производились на памятниках эпохи бронзы (Шор-Тепе, Ак-Тепе, Алтын-Тепе и Намазга-Тепе)⁵. К сожалению, они недостаточно отражены в печати. Для уточнения ареала оседлой культуры бронзы существенное значение имело открытие и раскопки поселения

¹ Courses toward Urban Life. Viking Found Publication in Anthropology. 32. New York, 1962; R. M. Adams. The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispania Mexico. Chicago, 1966.

² А. В. Ардиховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 69.

³ М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1951, стр. 11—20; Б. А. Литвинский. Намазга-Тепе. СЭ, 1952, 4.

⁴ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

⁵ Работы производил А. Ф. Ганялин. Нередко в них принимали участие А. А. Марущенко и Д. Д. Дурдыев.

Хапуз-Тепе по среднему течению современного русла р. Теджен⁶. Наряду с полевыми работами проводились экскурсии в историю гончарства⁷ и металлургии бронзового века⁸.

С 1964 г. начаты систематические раскопки памятников, верхние слои которых позволяли составить шкалу постепенной хронологической эволюции бронзового века⁹. На Намазга-Тепе было начато систематическое вскрытие так называемой «вышки» — значительного всхолмления в северной части памятника, относящегося ко времени поздней бронзы (Намазга VI). Некоторый материал для суждения о поре ранней бронзы (Намазга IV) дали раскопки Хапуз-Тепе (В. И. Сарияниди, 1966 г.), а о времени средней бронзы (Намазга V) и частично более раннего периода — раскопки Алтын-Тепе¹⁰.

Для рассмотрения вопроса о характере культуры эпохи бронзы перво-степенное значение имеет изучение крупных поселений этого времени, которые в Южном Туркменистане достигают весьма значительных размеров, приближаясь к городским центрам Древнего Востока. Таких поселений в Южной Туркмении известно три: все они соответствуют значительным областям ирригационного земледелия — Намазга-Тепе у Каахка, Улут-Тепе (или Яссы-Тепе) и Душака и Алтын-Тепе у Меана. Изучение исторической топографии двух первых памятников связано со значительными трудностями. Намазга-Тепе имеет площадь почти 70 га, но сильно нарушено поздним кладбищем. Кроме того, прежние раскопки были разбросаны в 15 местах, что не способствовало созданию цельной картины. Улут-Тепе, менее значительное по площади поселение, почти повсеместно имеет верхние слои середины I тысячелетия до н. э., что существенно затрудняет изучение поселения поры средней бронзы. Поэтому из трех названных памятников наиболее благодарным объектом для исследования является Алтын-Тепе.

Несколько уступая по площади Намазга-Тепе, Алтын-Тепе тем не менее является весьма значительным памятником. Его оплывшие холмы занимают пространство в 46 га, возвышаясь над окружающей поверхностью на 17—20 м. В целом руины поселения образуют довольно компактный массив, хотя при первоначальном осмотре это впечатление скрадывается довольно глубокими лощинами, прорезающими его окраины.

Изучение рельефа Алтын-Тепе позволило подойти к пониманию его планировки в позднюю пору его существования (время Намазга V, рис. 1). На юге широкая пологая лощина отмечает место бывшего въезда, выходящего на обширную площадь, названную центральной. Всхолмления, ограничивающие с двух сторон лощину (въезд), получили наименование по характерным находкам «холм меди» и «холм ступок». На первом из них во множестве встречаются мелкие обломки позеленевшего металла, возможно указывающие на местонахождение древних металлургических мастерских.

Наиболее значительное всхолмление Алтын-Тепе получило наименование «вышки». Здесь открыли серию жилых помещений, видимо, от нескольких многокомнатных домов, в которых найдена бронзовая печать

⁶ К. А. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТуркмССР, 1960, 2; В. И. Сарияниди. Хапуз-Тепе как памятник эпохи бронзы. КСИА АН СССР, 98, 1964.

⁷ В. И. Сарияниди. Керамическое производство древнемаргианских поселений. Тр. ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1958.

⁸ Е. Е. Кузьмина. Развитие производства металлических изделий в Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1964.

⁹ В. М. Массон. Раскопки на Алтын-Тепе. В кн.: «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966; В. И. Сарияниди. Раскопки могильников на Геоксоре и Алтын-Тепе. Там же; И. Н. Хлопин. «Вышка» Намазга-Тепе. Там же.

¹⁰ В раскопках Алтын-Тепе, помимо автора статьи, принимали участие научные сотрудники А. Ф. Ганялин, Г. Н. Лисицина, В. И. Сарияниди, И. Н. Хлопин, А. Я. Щетенко, аспирант В. А. Сафронов, лаборанты Ю. И. Десятчиков, Б. Н. Пяткин, С. С. Ширинский, студенты МГУ Е. В. Антонова, И. Л. Станкевич, Л. В. Прищипенко.

в виде быка и два клада, замурованных в стенах. Один клад состоит из пяти сосудов и нескольких поделок из слоновой кости, а второй — из 13 сосудов (в том числе одного бронзового и одного фаянсового), бронзового зеркала, булавки, трех височных колец, нескольких каменных бус и фаянсовой печати.

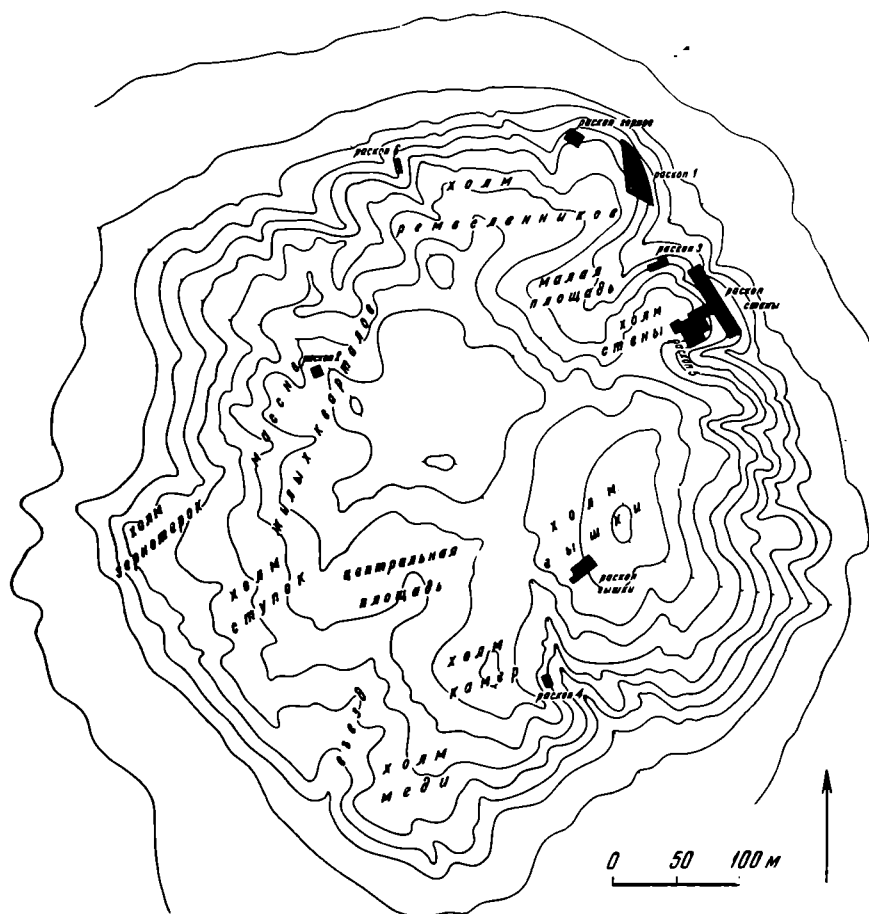

Рис. 1. Алтын-Тепе. План поселения и схема расположения раскопов

Значительную часть Алтын-Тепе занимает большой участок на северо-западе поселения, условно названный «массивом жилых кварталов». Здесь был заложен раскоп 2, в котором выявились остатки двух жилых комплексов, разделенных двором или улицей. Дополнительная шурфовка показала, что слои времени Намазга V достигают мощности 5 м и содержат остатки по крайней мере трех строительных комплексов.

Крайнюю северную часть поселения площадью около 2,5 га занимает «холм ремесленников», где в течение длительного времени жили и работали гончары. Бракованные фрагменты, шлаки и остатки гончарных печей в изобилии наблюдаются на поверхности холма. Остатки обжигательных горнов зачастую встречаются и в других частях поселения, но именно данный участок является местом их особого сосредоточения. Небольшой раскоп в северной части холма дал десять керамических печей различных размеров, видимо существовавших не одновременно. Печи располагались непосредственно рядом с многокомнатными строениями, в которых находились, надо полагать, жилые и производственные помещения.

В этом отношении достаточно выразительна картина, полученная на раскопе 1. Здесь было вскрыто последовательно три строительных горизон-

та (Алтын 1—3), относящихся ко времени Намазга V. Общая толща трех культурных слоев достигает 1,5 м.

В первом строительном горизонте (Алтын 1) расчищены остатки плохо сохранившихся построек и овальной в плане топки гончарной печи. Строения были сосредоточены в северной части раскопа, в то время как в южной располагалось незастроенное пространство, возможно, двор.

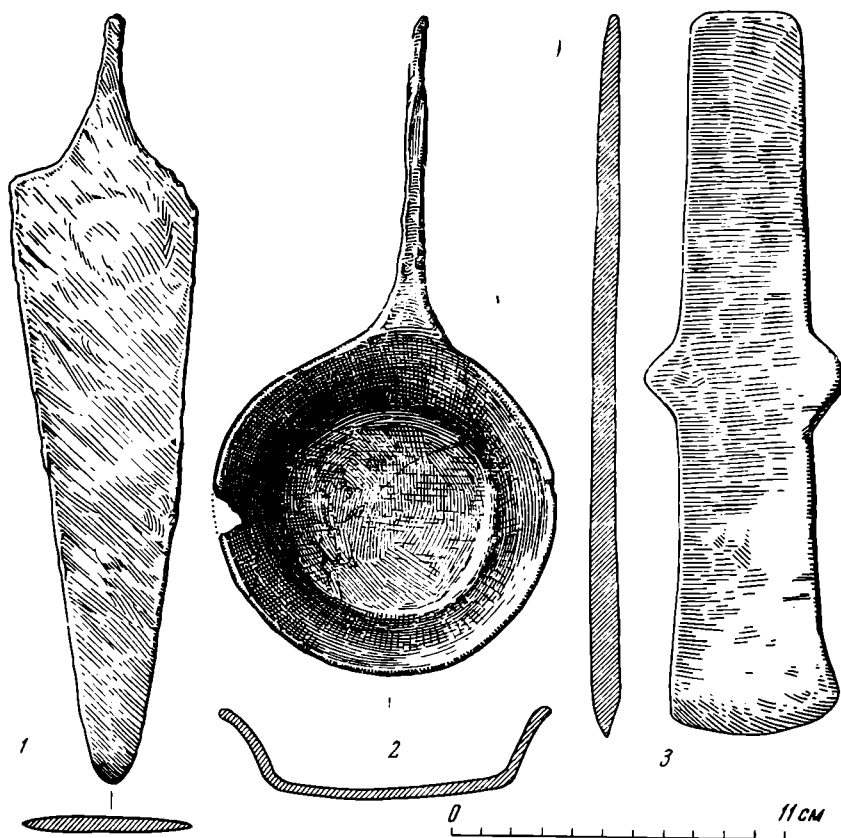

Рис. 2. Алтын-Тепе. Бронзовый кинжал, медная сковородка и серебряное тесло времени Намазга V

Это разделение сохраняется и во втором строительном горизонте (Алтын 2). Двор и в этом горизонте заполнен рыхлыми слоями с большим количеством черепков и керамических шлаков. Во дворе располагалась гончарная печь с топкой овальновытянутой формы, разделенной внутри продольной стенкой на две части. В раскопанной части многокомнатного строения различаются жилые и хозяйственные помещения.

В слое Алтын 3 исследования были сосредоточены преимущественно в северной части раскопа, где вскрыт ряд помещений большого дома. От дворового участка их отделяет массивная поперечная стена. В этом горизонте отмечены остатки двух гончарных печей, причем около одного из них обнаружена группа глиняных фигурок, подготовленных для обжига, но оставшихся необожженными. В их числе около 35 статуэток быков, 14 схематических фигурок стоящих людей и восемь колесиков от моделей повозок.

В раскопе 1 открыто 29 погребений, располагавшихся двумя горизонтами: в слое Алтын 2, куда они были впущены из слоя Алтын 1, и в слое Алтын 3, видимо впущенные из второго строительного горизонта. Для погребений первой группы характерно скорченное положение скелета на левом или правом боку, неустойчивая ориентация (пять головой на север, два на восток и по одному на юг и запад). В одной из могил были найдены

бронзовый кинжал (рис. 2, 1) и медная сковорода с длинной ручкой (рис. 2, 2). В погребениях второй группы преобладает ориентация на север и северо-запад, а погребальный инвентарь, за исключением одиночных бус, отсутствует. Результаты работ на раскопе 1 ясно показывают, что мы имеем здесь дело с традиционным центром гончарного производства. Погребения, видимо, оставлены жителями ближайших домов.

Рис. 3. Алтын-Тепе. План раскопа 5

Иную картину выявили раскопки сравнительно небольшого, но четко обособленного всхолмления, получившего наименование «холма стены» по остаткам обводных стен, обнаруженных здесь в слоях времени Намазга IV. Раскоп 5 на «холме стены» вскрыл значительный участок строений времени Намазга V (рис. 3), сохранность которых ухудшалась по направлению к восточному склону. Это не дало возможности с уверенностью судить о наличии или отсутствии здесь обводных стен в пору Намазга V.

На раскопе 5 вскрыта серия помещений, имевших по крайней мере два этапа существования. В западной части раскопа открыта улица шириной от 1,5 до 1,8 м. Помещения 1 и 2, расположенные к западу от улицы, являются частью какого-то большого четко организованного архитектурного комплекса. Строения, расположенные к востоку, делятся на две группы узким коридорообразным помещением 10, возможно являвшимся небольшой улочкой. Представляют интерес расположенные в помещении 5 и 6 очаги с небольшими овальными столбами в центре. Помещение 13 в древности служило погребальной камерой, с которой, возможно, было связано помещение 14 с двойным очагом, отличающимся от обычных бытовых очагов этого времени, известных по раскопкам Намазга-Тепе. Погребальная камера была местом неоднократных захоронений, нарушавших друг друга. Здесь, судя по черепам, было погребено 14 человек (погребения 43—56), при которых находилось 20 глиняных сосудов, один каменный, 86 бус, бронзовое кольцо, кремневый наконечник стрелы и две бронзовые

перегородчатые печати (одна в виде козла, а другая в виде животного кошачьей породы, последняя обнаружена у таза погребения 48 и, возможно, носилась на поясе).

Помимо погребальной камеры, на раскопе 5 было открыто еще восемь одиночных могил, как правило относящихся ко времени запустения строений. У погребений, в основном детских, преобладает ориентация головой на север и северо-запад; в трех находился инвентарь (по 2 сосуда в двух могилах и 19 бус в третьей).

Особый интерес представляет детское захоронение № 59 и № 60, условно названное погребением жрицы. Они находились в одной могиле. Основное погребение, принадлежавшее взрослому, лежало на левом боку с вытянутой левой рукой, охватывавшей фалангами пальцев две терракотовые статуэтки женщин. На мизинце этой руки были надеты два золотых кольца, все погребение сопровождало до 100 бус из агата, сердолика, лазурита с золотой оковкой и гипса с обтяжкой золотом. Серебряная перегородчатая печать в виде фантастического трехголового животного с тонкой гравировкой, детализирующей перья, шкуру и др., лишний раз подчеркивает необычный характер этого погребения. Скелет погребения № 59 лежал в скорченной позе параллельно основному захоронению. Вещей при нем не было.

Необходимо отметить, что характер архитектурных комплексов, открытых в раскопе 5, пока остается не вполне ясным. Судя по многочисленным находкам керамики (в том числе кухонного котла и жаровни), они могут быть обычными жилыми домами, около которых на окраине поселения располагались погребения. На энеолитических поселениях Геоксюра¹¹ и Кара-Тепе¹² коллективные погребения в камерах и толосах (особенно близка алтынская камера в Кара-Тепе) располагались в непосредственной близости от жилых строений. По сравнению с раскопом 1 здесь отсутствуют следы производства.

Раскопки дали также материалы, характеризующие Алтын-Тепе в пору Намазга IV. В это время поселение уже полностью занимало площадь 46 га. Особенно важные результаты дало изучение строений времени Намазга IV на восточном склоне «холма стены», где соответствующие наслоения достигают мощности 9 м. Здесь были отмечены остатки обводных стен. Детальное изучение раскопанных участков, а также дополнительные разрезы и зачистки раскрыли весьма сложную картину истории этой окраины поселения (рис. 4). В раннюю пору Намазга IV здесь была возведена обводная стена Б толщиной до 1,9 м. Ее внешний периметр не образует одну прямую линию, а состоит из нескольких участков, отступающих один от другого внутрь поселения. В ряде мест стена фланкирована выступами-пилястрами. По мере накопления культурных слоев эта стена надстраивалась и перестраивалась, пока, наконец, не была возведена новая стена А также толщиной около 1,9 м. С целью уточнения вопроса о наличии подобных обводных стен на всех участках Алтын-Тепе на раскопе 1 было произведено частичное вскрытие горизонта Алтын 4, относящегося ко времени позднего Намазга IV. Оказалось, что здесь окраину поселка образовывала утолщенная до 0,5 м стена обычного многоквартирного дома (рис. 5). Возможно, что лишь особый характер строений, располагавшихся в пору Намазга IV на «холме стены», привел к появлению здесь столь массивных обводных сооружений.

Интересно отметить, что в пору позднего Намазга IV на периферии поселения располагались погребальные камеры-усыпальницы, в которых, подобно геоксюрским толосам, находились коллективные захоронения. Такие сооружения найдены на раскопах 3 («холм стены»), 4 («холм погребальных камер») и 6 («холм ремесленников»).

¹¹ В. И. Сарияниди. Раскопки могильников на Геоксюре... стр. 103.

¹² В. М. Массон. Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 4.

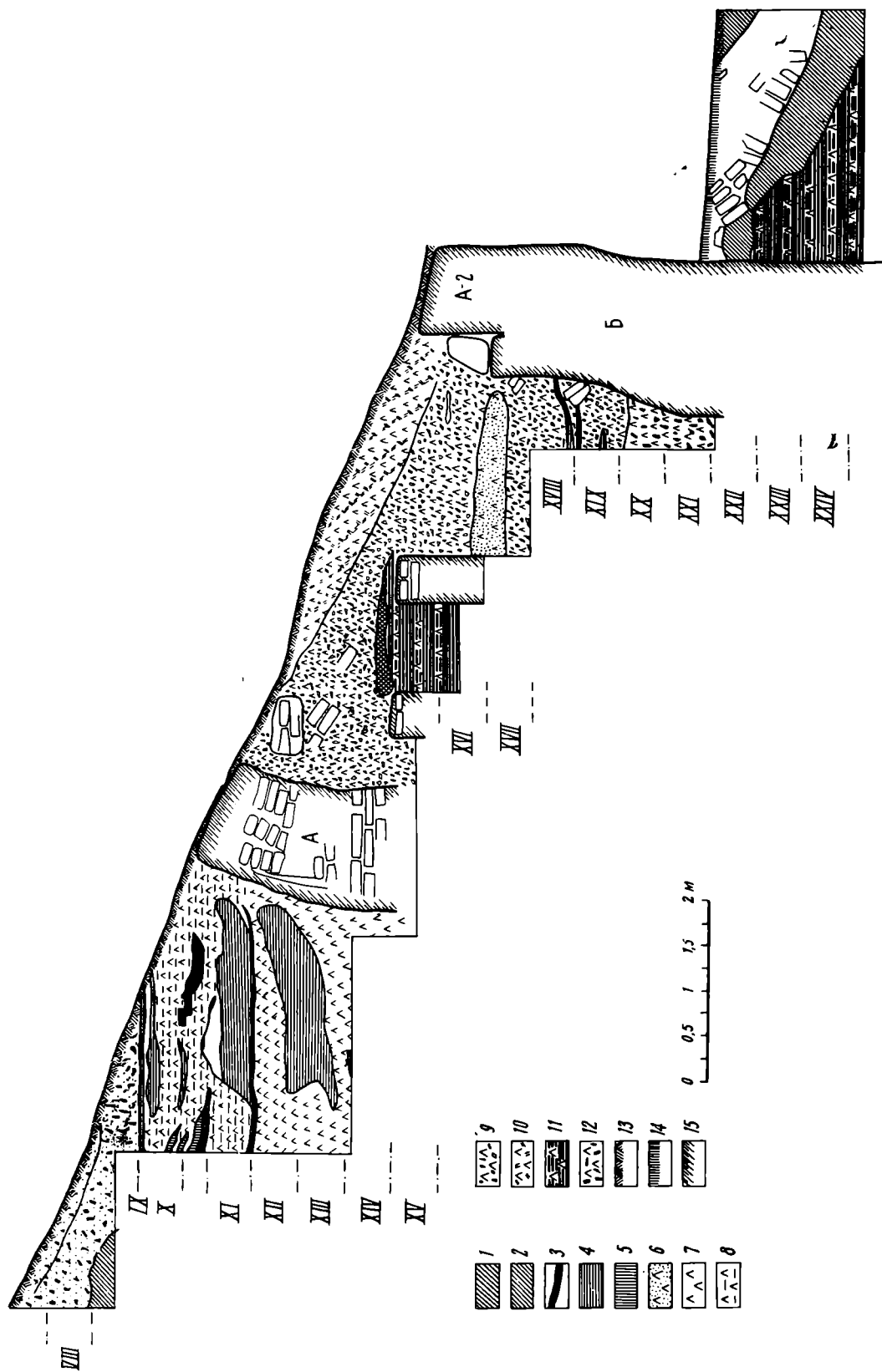

Рис. 4. Алтын-Тепе. Разрез обводных стен времени Намазга IV

1 — рыхлая коричневая земля; 2 — натечные слои с крупными известковыми включениями; 3 — слои, насыщенные золой; 4 — горизонтальные слои рыхлой коричневой земли; 5 — мусорные слои зеленоватого цвета; 6 — рыхлая земля с угольками; 7 — строительный завал; 8 — рыхлая земля с угольками; 9 — завал сырового кирпича; 10 — завал мелких материалов разрушения; 11 — плотный завал; 12 — рыхлая земля с угольками; 13 — дерновый слой; 14 — пол; 15 — сырцовые стены в разрезе

Таково краткое описание раскопок, давших значительное число самых различных материалов.

В ходе их изучения и интерпретации может быть намечено несколько основных направлений, по которым следует вести разработку всей проблемы. Прежде всего — определение относительной и абсолютной хронологии. Естественно, что раскопки поселений с мощными культурными слоями поз-

воляют детализировать их стратиграфическое членение. Так, в пределах комплекса Намазга IV можно выделить ранний и поздний периоды. В пору раннего Намазга IV распространена роспись геометрического стиля, широко использующая кресты и полукресты (рис. 6). Эту посуду можно именовать хапузовским типом по имени Хапуз-Тепе, где ее связи с энеолитической посудой Геоксюра выступают особенно ярко¹³. Соответствующий комплекс может быть выделен и на Намазга-Тепе, где в росписи наряду с геоксюрскими влияниями (например, крупные сосуды с полихромной росписью) выступают и традиции местного энеолита¹⁴. В пору позднего Намазга IV (рис. 7) распространяется дробный ковровый рисунок, для которого характерны фигуры с зубчатыми краями (намазгинский тип в комплексе «площадки с горнами»)¹⁵. Период этот был сравнительно коротким. Для Алтын-Тепе, в отличие от Намазга-Тепе, характерной чертой является значительное число краснофонной керамики.

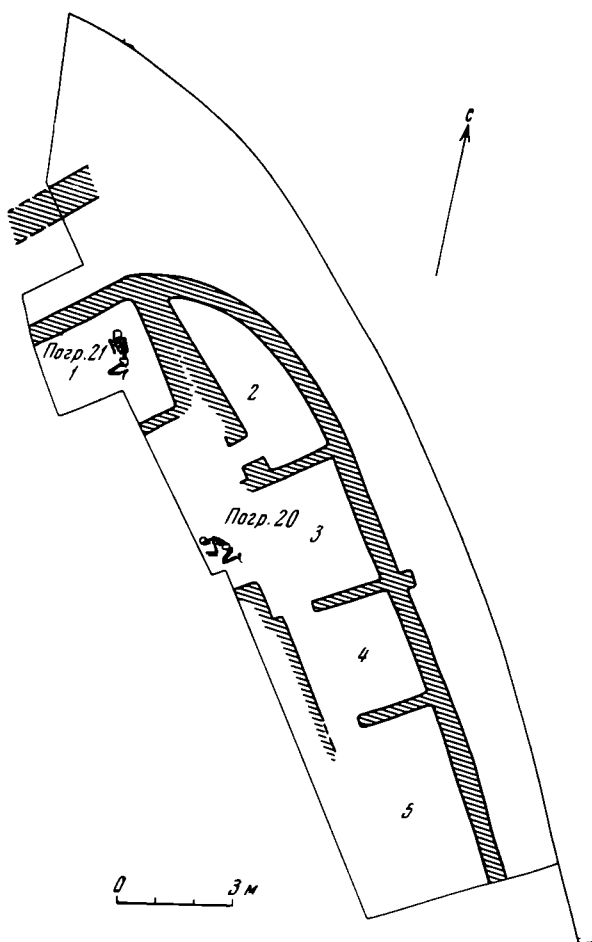

Рис. 5. Алтын-Тепе. План строений слоя Алтын 4

Возможно, со временем удастся расчленить и комплекс Намазга V, характеризующийся сделанной на круте нерасписной посудой весьма различных форм (рис. 8). Для нее характерны сосуды на поддоне или на высокой ножке (вазы, горшки, биконические сосуды). По материалам Алтын-Тепе складывается впечатление, что керамический комплекс с раскопа 5 в основном относится к раннему времени, будучи одновременным слою Алтын 3 раскопа 1. Здесь, в частности, почти отсутствуют керамические подставки, в изобилии встречающиеся в слоях Алтын 1 и Алтын 2.

¹³ В. И. Сарияниди. Хапуз-Тепе..., стр. 62.

¹⁴ В «шурфе ЮТАКЭ» на Намазга-Тепе соответствующая керамика идет ниже VII—VIII яруса; Б. А. Литвинский. Намазга-Тепе. СЭ, 1952, 4, стр. 47, рис. 7. Комплекс, изданный А. Я. Щетенко, видимо, относится к переходной поро (сочетание геометризированной орнаментики и изображений деревьев); А. Я. Щетенко. Расписная керамика эпохи бронзы из Намазга-Тепе. КСИА АН СССР, 98, стр. 58.

¹⁵ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, табл. XXXI, XXXII.

Обилие новых материалов делает необходимым дальнейшую разработку и вопросов абсолютной хронологии. Эти материалы подтверждают синхронизацию комплекса Намазга V с Гиссаром III, причем наибольшее количество аналогий приходится на Гиссар III В¹⁶.

В настоящее время длинная хронология Гиссара III, предложенная Д. Мак-Кауном¹⁷, не пользуется поддержкой исследователей¹⁸. В частности, Р. Дайсон предлагает синхронизировать Гиссар III В с ранними эта-

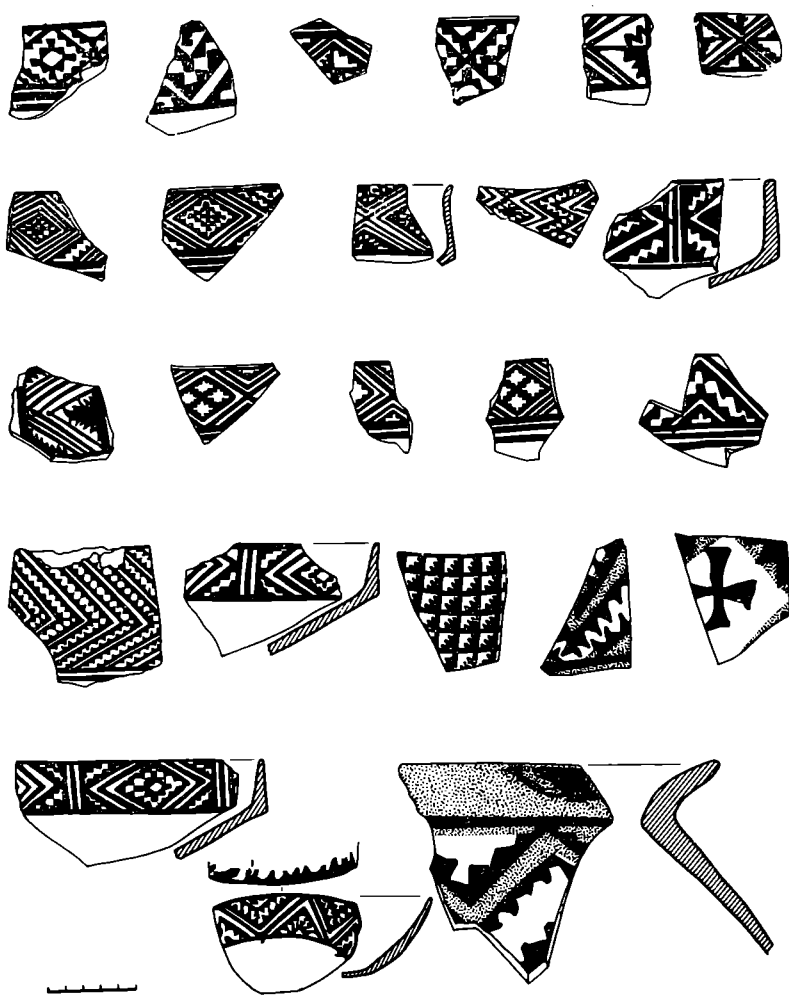

Рис. 6. Керамика типа раннего Намазга IV

пами третьей династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.), а Гиссар III С сдвигать не позднее 1900 или 1800 гг. до н. э.¹⁹

Для системы относительной хронологии известное значение имеет серебряное тесло с цапфами, найденное А. Ф. Ганялиным в слоях Намазга V на Алтын-Тепе (рис. 2, 3). По классификации тесел, предложенной Ж. Дешайе, его следует включать в раннюю группу²⁰, причем наиболее близкие

¹⁶ Таковы бусы крестовидной формы и сероглиняный сосуд из первого алтынновского клада, привезенный если не с самого Гиссара, то из соседнего района. E. Schmidt. *Excavations at Tepe Hissar*. Philadelphia, 1937, стр. 226, рис. 135, табл. XXXVII, N 3841.

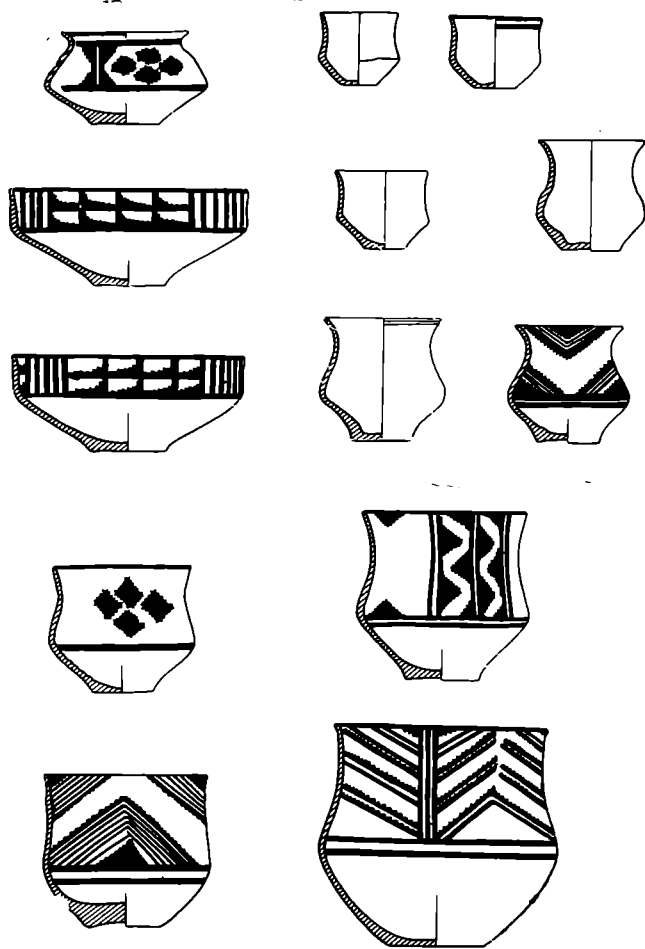
¹⁷ D. E. Malown. *Comparative Stratigraphy of Early Iran*. SAOC, 23, Chicago, 1942.

¹⁸ В. М. Массон. *Расписная керамика...*, стр. 325, 326.

¹⁹ R. H. Dyson. *Problems in the Relative Chronology of Iran, 6000—2000 B. C.* В кн.: «*Chronologies in Old World Archaeology*». Chicago—London, 1965, сmp. 241, 242.

²⁰ J. Deshayès. *Les outils de bronze le l'indus an Danube*. Bibliothèque archéologique et historique, LXXI, 1, Paris, 1960, стр. 114, 115.

аналогии дают тесло Тюренг-Тепе²¹, тесла из Цезареи в Малой Азии²² и часть миниатюрного тесла из Амука J²³. Фаза Амука J датируется Р. Брейдвудом временем от XXIV в. до н. э. до 2000 г. до н. э.²⁴ Сходные параллели дают и малоазийские памятники Алишар II (1900—1600 гг. до н. э.)²⁵ и особенно тесло Тарса, происходящие из слоя, датированного К. Шефером 1950/1900—1700/1600 гг. до н. э.²⁶ Тесло из Алтын-Тепе

представляет собой довольно архаическую форму этого вида орудий, отличающуюся прямыми, а не вогнутыми гранями, и в свете упомянутых переднеазиатских параллелей (наиболее близкое Тесло с Тюренг-Тепе не может служить надежной основой для абсолютной хронологии) следует относить к концу III—началу II тысячелетия до н. э.

С другой стороны, тот же комплекс Намазга V обнаруживает значительное число хараппских параллелей, представляя собою стык переднеазиатской и древнеиндийской хронологии. Хараппские параллели относятся к ряду вещей и прежде всего к посуде. Таковы, в частности, горшки на поддоне — форма, особенно многочисленная в верхних слоях Мохенджо-Даро и Хараппы²⁷. Наличие бронзового сосуда сходной формы позволяет предполагать металлургический прототип²⁸.

Рис. 7. Керамика типа позднего Намазга IV. Для ранней и поздней Хараппы весьма характерной формой является цилиндрический сосуд с отверстиями²⁹, употреблявшийся, по мнению

²¹ F. R. Wulsin. Excavation at Turang Tepe. «Bulletin of American Institute for Persian Art and Archaeology», 2, March, 1932. Прилож. стр. 12, табл. XX. Эту близость справедливо отметил Е. Е. Кузьмина.

²² J. Deshayès. Ук. соч., II, табл. XIII, 1; LV, 9.

²³ R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch. I. The Earlier Assemblages, Phases A—J. OIP, LXI, Chicago, 1960, стр. 378, рис. 231, 1.

²⁴ R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Ук. соч., стр. 522, 523.

²⁵ J. Deshayès. Ук. соч., II, табл. XIII, 15.

²⁶ C. F. A. Schaeffer. Stratigraphie Comparée et Chronologie de L'Asie Occidentale. London, 1948, рис. 172, 5, 6, стр. 267, 274.

²⁷ E. Mackay. Further Excavations at Mohenjo-Daro. New Dehli, 1938, I, II, стр. 192, табл. LII, 10; LV, 12. Э. Маккей отмечает, что это наиболее распространенный вид сосудов, причем, добавляет М. Уилер, в верхних слоях. R. E. M. Wheeler. Harappa 1964 the Defences and Cemetery R37. AI, 1947, 3, стр. 104. Из отмеченных М. Уилером разновидностей к нашим образцам ближе всего стоит форма III C с не проработанным венчиком.

²⁸ J. Marshall and oth. Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. London, 1931, III, табл. CXLI, 6.

²⁹ E. Mackay. Ук. соч., III, табл. LIX, 24; R. E. M. Wheeler. Ук. соч., стр. 115, туре XLIV.

Э. Маккея, при изготовлении творага, но, возможно, и как курильница³⁰. Сосуды почти идентичной формы нередко встречаются на Алтын-Тепе и в слоях времени Намазга V, что особенно характерно для направления культурных связей, поскольку курильницы Гиссара III имеют шаровидное тулово с отверстиями и высокую ножку³¹. Важное хронологическое значение имеет широкое распространение на Алтын-Тепе, по крайней

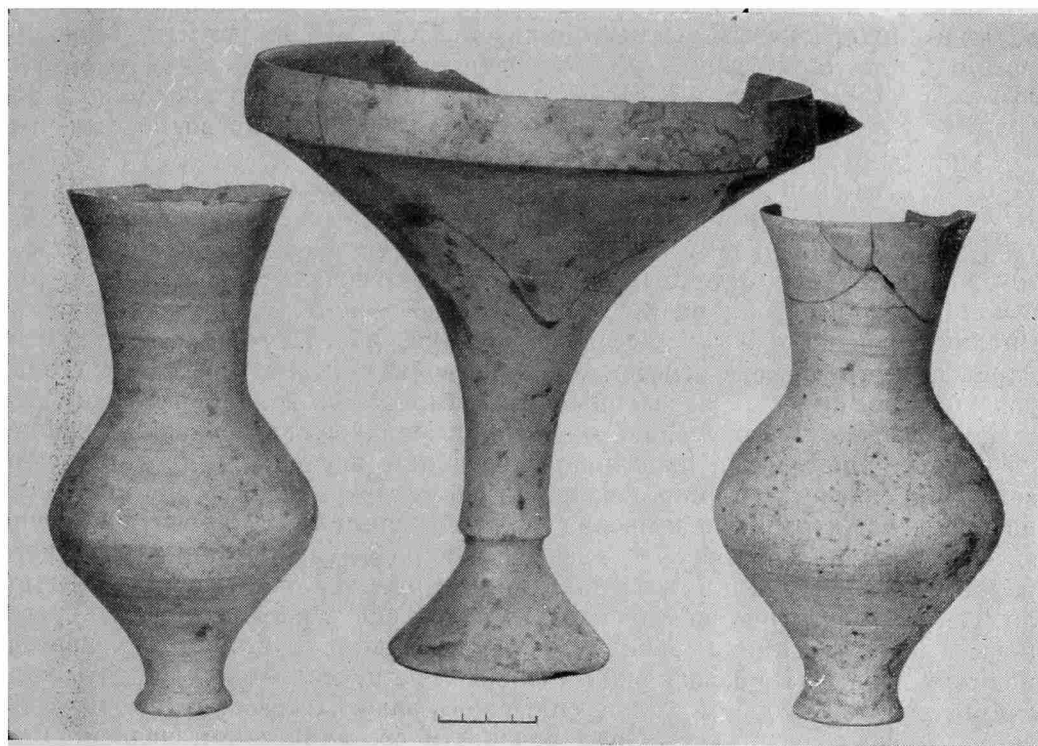

Рис. 8. Керамика типа Намазга V

мере в пору позднего Намазга V (Алтын 1 и 2), керамических подставок. Они, весьма редкие и невыразительные в нижних слоях Мохенджо-Даро³², широко распространены в верхних слоях этого памятника³³, так же как в Чанху-Даро³⁴ и в Хараппе³⁵.

Аналогии касаются и металлических изделий с Алтын-Тепе. Так, плоские клинки кинжалов без осевого ребра, совершенно не характерные для Гиссара, широко распространены как на южнотуркменистанских памятниках, так и в городах долины Инда³⁶. Там же может найти параллель и сковородка с ручкой³⁷. В мелкой пластике мужские фигурки, появляющиеся в позднем Намазга IV (в Намазга V эти фигурки более уплощенные), прямо перекликаются с терракотами раннего Мохенджо-Даро³⁸. Наконец, в Южном Туркменистане имеются вещи, непосредственно привезенные из долины Инда. В состав первого клада Алтын-Тепе входят четы-

³⁰ Е. Маскау. Ук. соч., I, стр. 207, 208.

³¹ E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar, табл. XXXVI, H 5215.

³² Е. Маскау. Ук. соч., II, табл. LXII, 25, 26; LXIV, 16.

³³ Там же, табл. LVII, 23, 24; I, стр. 206.

³⁴ Е. Маскау. Chanhu-Daro Excavations. New Haven, 1943, табл. XXVI, 4—11.

³⁵ R. E. M. Wheeler. Ук. соч., стр. 115, type XLV.

³⁶ Е. Маскау. Ук. соч., II, табл. CXXIX, 3, 5.

³⁷ Там же, табл. CXXVIII, 15.

³⁸ Там же, табл. XXV, 17, 24 (ср. I, стр. 282).

рехугольные в сечении палочки из слоновой кости с кружками на трех сторонах (соответственно 1, 2 и 3 кружка) и орнаментом на четвертой. Подобные предметы являются весьма обычной находкой как в верхних, так и в нижних слоях Мохенджо-Даро ³⁹.

Указанные параллели позволяют ориентировочно синхронизировать комплекс Намазга V с развитой и частично поздней Хараппой (могильник R37), хотя последняя обнаруживает аналогии также с ранними фазами Намазга VI ⁴⁰. В настоящее время ряд хараппских памятников получил серии радиоуглеродных анализов с датой XXI—XIX вв. до н. э. Зерно из верхних слоев Мохенджо-Даро было датировано этим же способом 1760 г. до н. э. (± 155) ⁴¹. Таким образом, указанные выше аналогии, как древнеиндийские, так и переднеазиатские, позволяют ориентировочно относить комплекс Намазга V к началу II тысячелетия до н. э.

Вторая важная проблема связанная с изучением памятников эпохи бронзы Южного Туркменистана, заключается в изучении хозяйства. Потребуется еще значительные усилия, и в первую очередь привлечение методов естественных и точных наук, чтобы пойти дальше общей формулировки о наличии сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства. Вполне вероятно, что значительные успехи, достигнутые в земледелии (прежде всего в сфере агротехники), позволили сложиться и функционировать таким крупным населенным центрам, какими являлись Алтын-Тепе и Намазга-Тепе. К сожалению, мощные аллювиальные отложения в районе названных памятников предельно затрудняют изучение гидрологической сети II тысячелетия до н. э. Анализ углей из древних мусорных отвалов на окраине Алтын-Тепе позволил Г. Н. Лисициной установить наличие здесь тополя и карагача. Эти древесные породы характерны для данного района, поскольку они преобладали и на неолитическом поселении Чагыллы-Тепе ⁴². Поселение эпохи бронзы Хапуз-Тепе располагалось, как установила Г. Н. Лисицина, между двумя крупными протоками древнетедженской дельты. По берегу одного из русел на протяжении 4 км прослеживается небольшая дамба в виде оплывшего вала. Погребенный почвенный горизонт свидетельствует, что в древности соседние земли подвергались обработке и орошению. Последнее, скорее всего, производилось методом напуска воды в паводки, причем обратный спад задерживался дамбой. Вместе с тем расположение поселения на берегу полноводного русла способствовало развитию рыболовства, на наличие которого указывают находки медно-бронзовых рыболовных крючков.

На широкое использование тягловой силы животных в эпоху бронзы указывают многочисленные терракотовые модели повозок, встречающиеся по крайней мере со времени позднего Намазга IV. Модели повозок, обнаруженные на Алтын-Тепе, представляют собой преимущественно тяжелые двусосные телеги, у которых задний борт отсутствовал, что, по-видимому, облегчало перевозку таких громоздких предметов, как древесные стволы. Характер модели предусматривал изображение в передней части головы упряжного животного с отверстием, проделанным в его носу. Судя по наиболее выразительным образцам, этими животными были верблюд и лошадь (рис. 9, 6, 7).

³⁹ Там же, I, стр. 560, 561; II, табл. CXLIII, 47, 49, 51. Алтыновским вещам наиболее близки опять-таки находки из верхних слоев.

⁴⁰ Например, ваза из нижних слоев поселения Тахирбай 3; В. М. М а с с о н. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 27.

⁴¹ B. B. Lal. A Picture Emerges — An Assessment of the Carbon-14 Datings of the Protohistoric Cultures of the Indo-Pakistan Subcontinent. AI, 18—19, 1963, стр. 212—214, 219.

⁴² Г. Н. Л и с и ц и н а. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. МИА, 1965, стр. 81. Из 106 образцов 43 принадлежали тополи и 57 карагачу. По углям из энеолитического поселения этого же района Илгынлы-Тепе Г. Н. Лисициной определено наличие карагача.

Особого развития достигли различные производства, ставшие в ряде случаев самостоятельными ремеслами. Такими в пору Намазга V стало гончарство, широко использующее круг, внедрение которого приходится на время Намазга IV. Обжигательные печи представляли собой достаточно сложные двухъярусные устройства⁴³. Б. Н. Пяткин установил, что температура обжига керамики типа Намазга V достигала 1400°, что является достаточным и для производства фаянса.

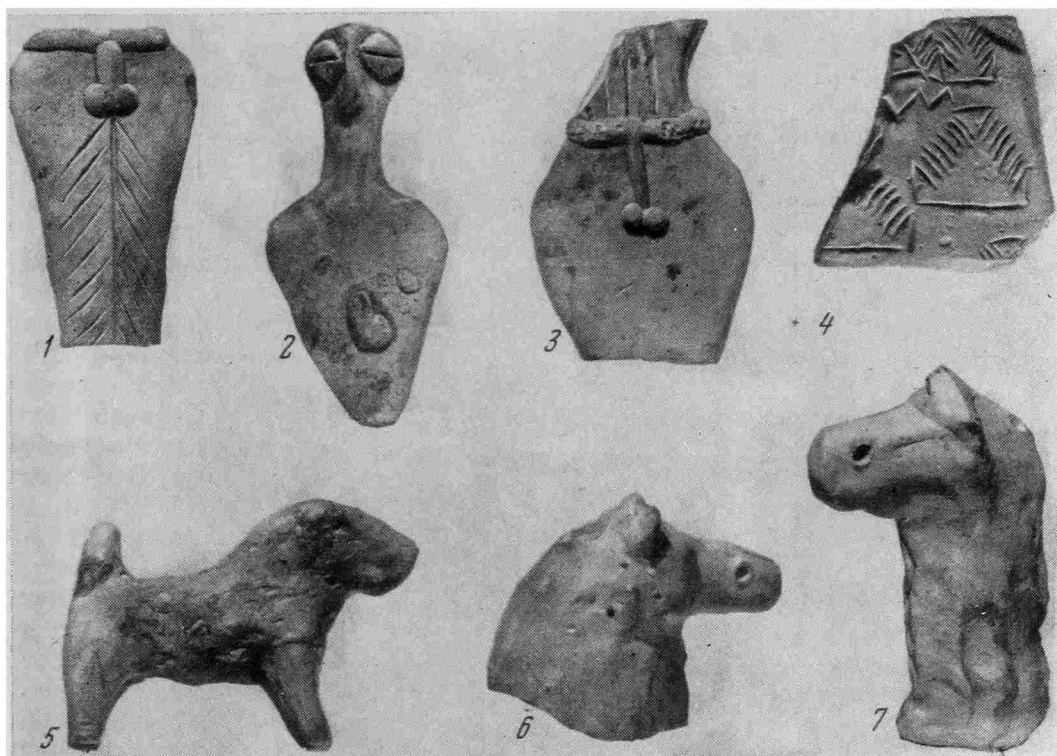

Рис. 9. Алтын-Тепе. Терракотовая скульптура

Значительных успехов достигла металлургия, широко применявшая мышьяковистую и свинцовую бронзу⁴⁴. Три печати с Намазга-Тепе, подвергнутые анализу, имели содержание свинца в 7,9 и 10%, а мышьяка — 0,2, 1,5 и 0,1%. Из трех печатей Алтын-Тепе одна оказалась серебряной, а две другие содержали свинца 1,5 и 2%, а мышьяка — 1 и 0,2%. Кинжал, обнаруженный в погребении слоя Алтын 1, имел состав: медь — 97%, свинец 1%, мышьяк 1,5%.

Третьим направлением исследований является изучение религиозных представлений эпохи. Здесь так же, как и в области материального производства, ощущаются заметные перемены по сравнению с эпохой энеолита. Особенно четко эти изменения прослеживаются в мелкой скульптуре, представленной для времен Намазга V многими десятками образцов. Если для фигурок животных мы не наблюдаем существенных стилистических изменений по сравнению с энеолитической пластикой, то для человеческих изображений складывается новый — условно-плоскостной стиль, принципиально отличный от объемной скульптуры эпохи энеолита (рис. 10). Для

⁴³ В. И. Сараниди. Керамическое производство..., стр. 335—339.

⁴⁴ Анализы сделал В. Н. Сидоров в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.

женских фигурок время сложения этого стиля, видимо, приходится уже на пору позднего Намазга IV. Уплощенные фигурки женщин отличает манерный декоративизм, проявляющийся в детализированной обработке прически, головных уборов и украшений.

Наиболее распространены женские статуэтки с расставленными в стороны руками, узкой талией, широкими бедрами и загнутым вперед заост-

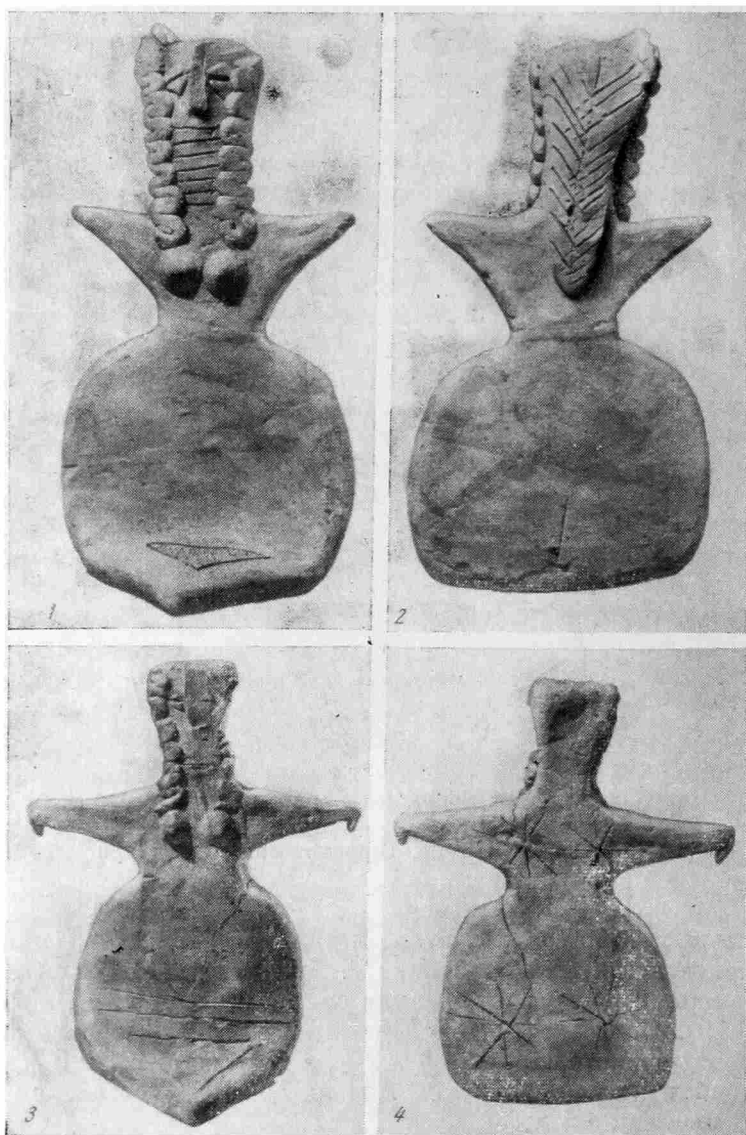

Рис. 10. Женские статуэтки из слоя Алтын 2

ренным основанием фигурки, указывающим на ее сидячее положение. Высокий головной убор (или сложная прическа) известен в нескольких вариантах, но иногда отсутствует. У отдельных экземпляров по бокам головки имеются сквозные отверстия. Лицо изображается схематически, нос в виде защипа, крупные ромбовидные глаза иногда с подчеркнутыми бровями. Обычно голова обрамлена двумя выющимися косами, спускающимися на грудь и иногда напоминающими змей (рис. 11). Шея, как правило, украшена горизонтальными нарезными линиями, по-видимому, передающими нитки бус числом до семи. Нередко от нижней нитки спускаются прямые

или волнистые линии, скорее всего изображающие какие-то подвески. Значительный интерес представляют различные знаки, процарапанные на руках и иногда повторяющиеся на тыльной стороне фигурок. В нижней части живота помещен процарапанный треугольник, заполненный косыми штрихами или точками. Выше его нередко располагаются горизонтальные линии числом от двух до семи, вероятно передающие набедренные пояса. На некоторых статуэтках по середине туловища ниже груди идет рисунок елочки (рис. 12). Тыльная сторона статуэток лишена обычно каких-либо деталей помимо тяжелой косы, переданной елочкообразным рисунком на треугольном налете, спускающемся до плеч. Реже встречаются мужские статуэтки, они переданы в той же плоскостной манере (рис. 9, 1—3).

Наконец, третью группу составляют антропоморфные фигурки с расширяющимся книзу основанием, передающим, видимо, их стоящую позу. В редких случаях они имеют расстав-

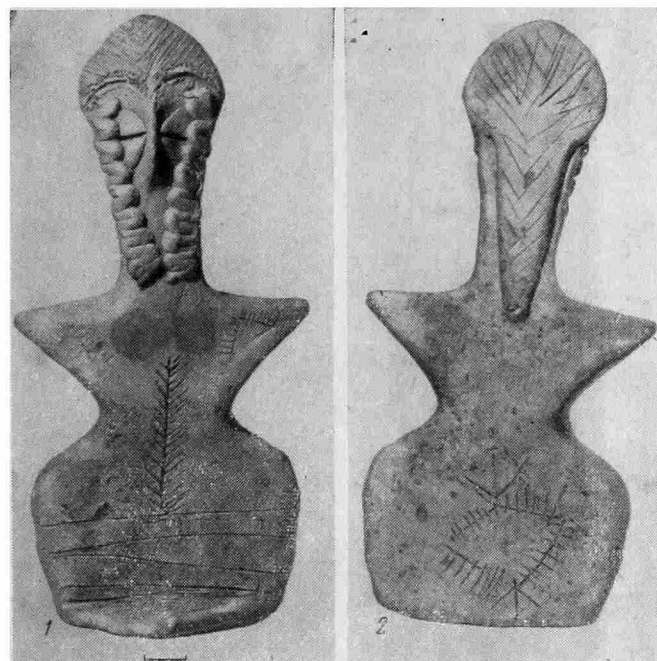

Рис. 11. Женская статуэтка из коллективного погребения раскопа 5

ленные в стороны руки и налесты, передающие косы и, возможно, бороду.

Детальная классификация и специальное исследование мелкой пластики эпохи бронзы, несомненно, позволит сделать ряд существенных выводов и заключений. Отметим некоторые моменты возможной интерпретации. Широкое распространение статуэток заставляет видеть в них скорее всего домашних идолов. Возможно, именно семейный идол для группы лиц, погребенных в помещении 13 раскопа 5, был положен в эту коллективную усыпальницу. Как отмечает С. Н. Крамер, у шумеров имелся культ «личных богов», «своего рода ангелов-хранителей, имевшихся у каждого человека и у каждого главы семьи и как бы давшего ему жизнь»⁴⁵. Духи дома-семьи хорошо известны и по Авесте, а В. А. Лившиц убедительно связывает с ними терракоты античной Средней Азии⁴⁶. Видимо, у оседлоземледельческих племен эта традиция восходит к глубокой древности⁴⁷.

Естественно в таком случае ожидать, что мелкая пластика отразит не весь существовавший некогда пантеон, а лишь образы особенно популярных и любимых божеств. Видимо, ими были в первую очередь женские божества, восходящие к культу богини-матери, хотя, надо полагать, и претерпевшие значительную дифференциацию. Материалы по истории переднеазиатских религий свидетельствуют о первоначальной главенствующей роли именно женского божества. Так, имя шумерской богини-матери Нин-

⁴⁵ С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 131.

⁴⁶ История таджикского народа. I, М., 1963, стр. 140, 141.

⁴⁷ В. М. Массон. О культе женского божества у анауских племен. КСИИМК, 73, 1959, стр. 19.

хурсаг-Нинмах, вошедшей в первую четверку богов шумерского пантеона, в некоторых списках ставилось впереди верховного бога Энки⁴⁸. В Эламе ведущая роль богини-матери Пинкир-Кирипи вообще сохранялась очень долго⁴⁹. Вместе с тем мы знаем о существовании в Шумере и Эламе десятков и сотен различных божеств, как мужских, так и женских, при значительном иконографическом однообразии. Вполне вероятно, что в рамках канона воспроизводились различные персонажи, отличающиеся друг от друга

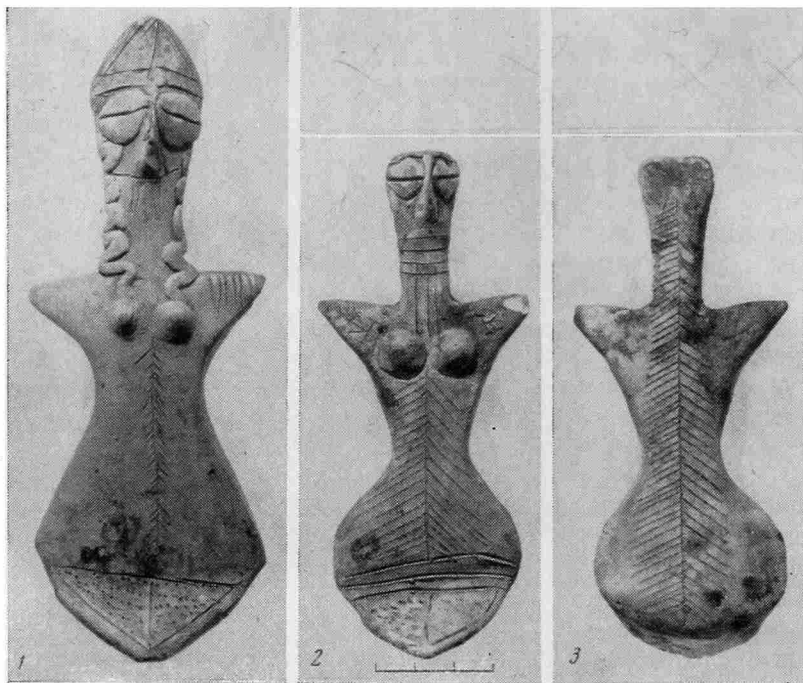

Рис. 12. Женские статуэтки из погребения № 60

мелкими деталями. В этой связи изучение различных символов, встречающихся на южнотуркменских статуэтках, представляет особый интерес. Отметим, что восьмилучевая звезда на рельефе луллубейского правителя Аннубани является символом Инанны-Иштары⁵⁰.

В целом, южнотуркменистанские терракоты, изображающие женщин, носят весьма самобытный характер. Вместе с тем отдельные иконографические черты, например набедренные пояса и штрихованные треугольники в нижней части живота (в энеолите штриховка отсутствует), имеют аналогии в терракотах Ниппура конца III — начала II тысячелетия до н. э.⁵¹. Образ сидящего (а не стоящего, как в Месопотамии) женского божества для Южного Туркменистана традиционно местный.

Иначе, видимо, обстоит дело с мужскими фигурками, на хараппские аналогии которым мы уже указывали выше. В Южном Туркменистане они появляются в пору позднего Намазга IV, причем их формы отличаются от плоских женских статуэток этого времени. Лишь в пору Намазга V этот образ перерабатывается в условно-плоскостном стиле. Вполне вероятно, что

⁴⁸ С. Н. Крамер. Ук. соч., стр. 121.

⁴⁹ W. Hinz. Persia circa 24000—1800 b. c. Cambridge, 1963, стр. 21—23.

⁵⁰ Там же, стр. 23.

⁵¹ E. D. van Buren. Clay Figurines of Babylonia and Assyria. New Haven, 1930, стр. 5, 16, 26, 27; табл. I, 6; V, 25; VII, 36, 38; G. F. Dales. Necklaces, Bands and Belts on Mesopotamian. «Revue d'assyriologie», LVII, 1963, 1, стр. 25, рис. 7; стр. 37, рис. 33, 34; C. Ziegler. Die Terrakotten von Warka. Berlin, 1962, табл. 12, 196. В первой работе использована устаревшая хронология.

перед нами пример древнеиндийских иконографических, а возможно и идеологических, влияний, связанный с распространением каких-либо органистических культов и церемоний.

Другой серией предметов, связанных с идеологическими представлениями, так же как и с определенным уровнем социальных отношений, являются бронзовые, серебряные, каменные и керамические печати. По форме печати могут быть разделены на четыре группы: крестовидные, овальные, квадратные и зооморфные. Примечательно, что многие печати, как и заполняющие их рисунки, генетически связаны с символикой росписи на неолитической посуде (рис. 13). В отношении печатей крестовидной формы это справедливо было отмечено еще И. Н. Хлопиным⁵². Нередко крестовидная фигура помещается на овальных печатях. Между тем, фигура креста имела уже в пору энеолита магический смысл — символа оберега⁵³. Особое смысловое значение придавали изображению на печатях пирамидок. В пору энеолита пирамида встречается в росписи как особый символ среди птиц⁵⁴, над фигурами барсов⁵⁵, рядом с изображением человека⁵⁶. В одном случае фигура из четырех пирамидок композиционно (и, видимо, семантически) заменяет крест⁵⁷. Такое сочетание известно и на одной печати эпохи бронзы, происходящей с Намазга-Тепе.

В связи с особым смысловым значением фигур крестов, полукрестов и пирамидок большой интерес представляет группа керамических изделий, условно названная реликвариями. Судя по фрагментам, эти изделия представляли собой прямоугольные в плане коробочки, стенки которых были украшены разными (нередко сквозными) воспроизведениями названных фигур (рис. 14). Эти фигуры нередко были окрашены в черный и красный цвет. Судя по известным находкам, реликварии появляются в пору позднего Намазга IV и были довольно широко распространены в пору Намазга V, контрастируя вычурной орнаментацией с нерасписной керамикой этого времени. Возможно, соответствующие изделия имели какое-либо культовое назначение наподобие так называемых керамических «кадильниц» с прорезными отверстиями из позднеубейдского храма в Эреду⁵⁸.

Печати овальной формы нередко заполнены рядами солярных кругов — опять-таки характерным элементом росписи энеолитической посуды. Вмес-

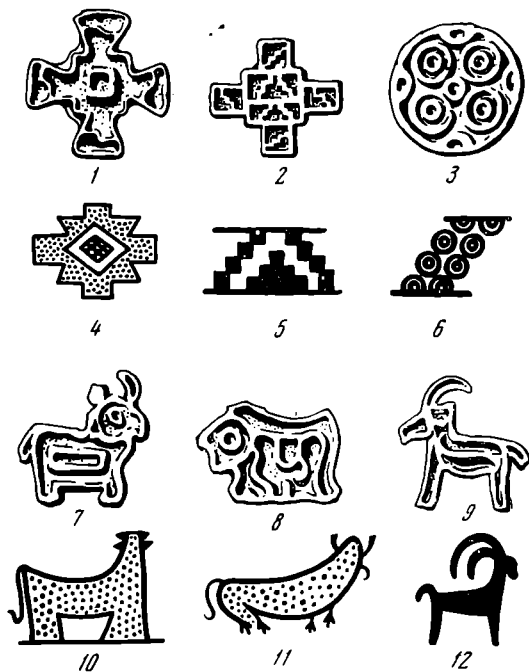

Рис. 13. Печати эпохи бронзы (1—3, 7—8) и мотивы росписи энеолитической керамики (4—6, 10—12)

⁵² И. Н. Хлоп и н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Юж-ной Туркмении. КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 18.

⁵³ В. М. М а с с о н. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 356, 357.

⁵⁴ В. М. М а с с о н. Кара-Тепе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960, табл. XXII, 18.

⁵⁵ В. М. М а с с о н. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. СА, 1962, 3, стр. 169, рис. 9, 7.

⁵⁶ Там же, стр. 170, рис. 10, 12.

⁵⁷ Там же, стр. 168, рис. 7, 15.

⁵⁸ B. L. G o f f. Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven — London, 1963, рис. 237.

те с тем здесь имеются и новые мотивы: например, шестиконечная звезда, не характерная для южнотуркменистанской символики и, возможно, явившаяся результатом каких-либо сторонних воздействий. Сравнительно редкие квадратные печати имеют воспроизведение того же креста или солярного символа.

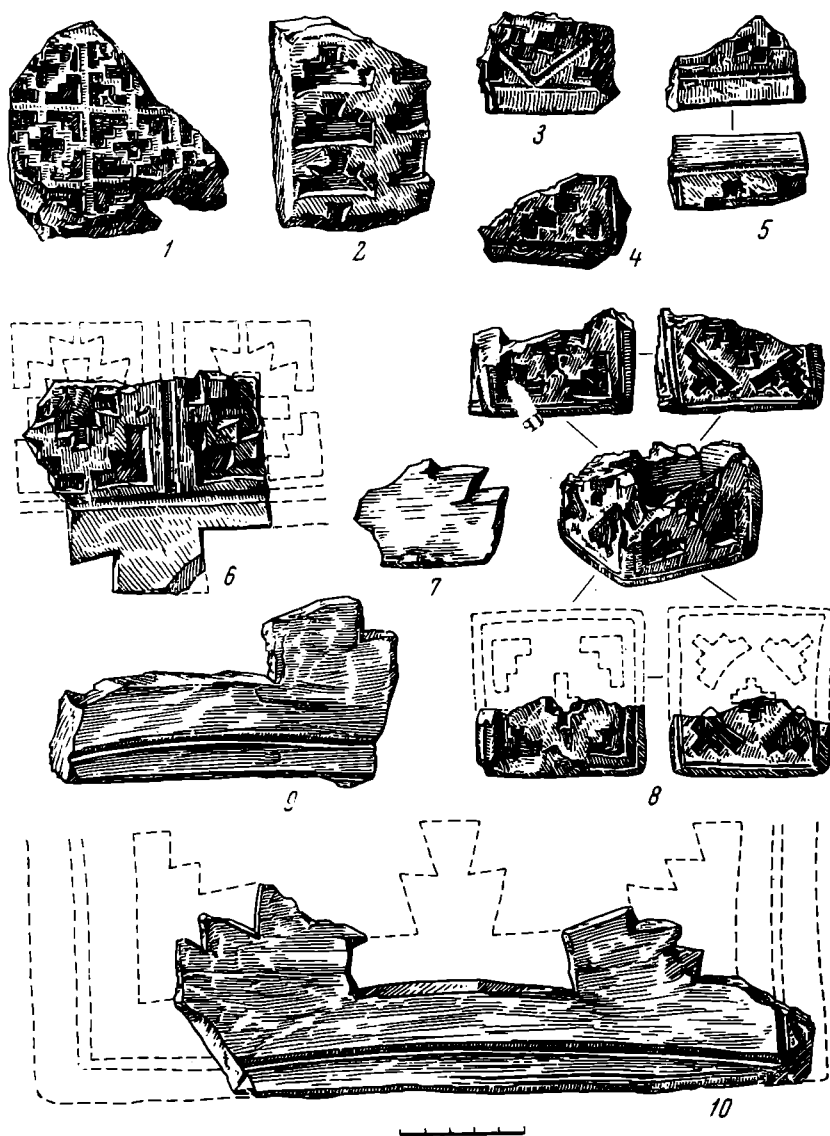

Рис. 14. Терракотовые реликварии с Намазга-Тепе (8) и Алтын-Тепе (1, 3, 5, 6, 9, 10 — слой Алтын 2; 7 — слой Алтын 4; 2, 4 — подъемный материал)

Наконец, особый интерес представляют зооморфные печати. Всего их известно пять, причем две из них (с Алтын-Тепе и Шор-Тепе) изображают козла (рис. 13, 9), одна — кошачье животное, возможно, барса (рис. 13, 8), одна — трехголового зверя (рис. 15) и одна — предположительно быка, если только это животное не является в действительности одним из иконографических вариантов образа того же козла (рис. 13, 7). Но именно барсы и особенно козлы — излюбленный мотив символики в энеолите, возможно связанной с элементами тотемизма⁵⁹.

⁵⁹ В. М. М а с с о н. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 360—364.

Вместе с тем фигура трехглавого зверя дает совершенно новый синкретический образ, связанный с усложненными религиозными представлениями. Интересно отметить, что звери-трикефалы известны на хараппских печатях⁶⁰, где найдены их две разновидности — с туловищем тура и носорога⁶¹. На одной печати из Мохенджо-Даро изображен трикефал, у которого, как

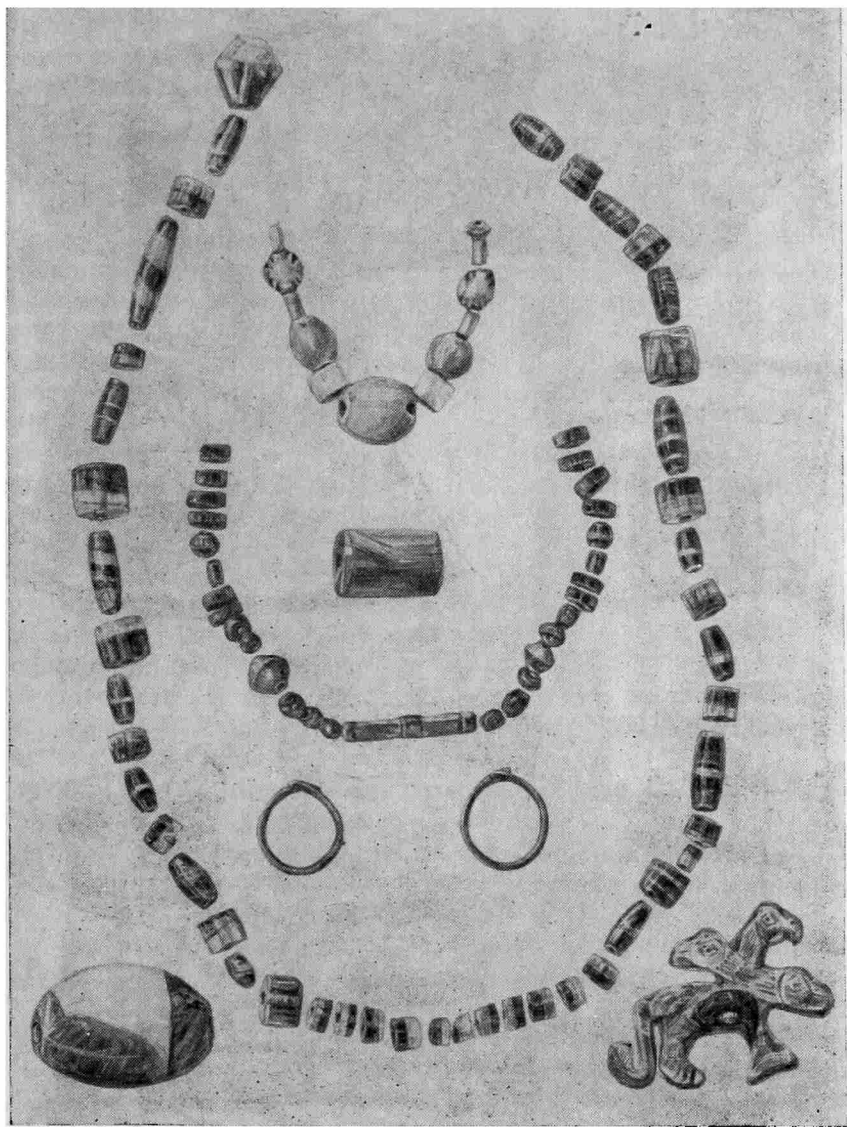

Рис. 15. Алтын-Тепе. Бусы, золотые кольца и печать из погребения № 60

и на алтыновской печати, две головы одинаковы — это козлы, в то время как основная голова — тура⁶². Возможно, трикефалия также принадлежит к числу индийских воздействий на культуру Южного Туркменистана с естественной заменой чужеземных зверей образами, популярными в местной среде.

⁶⁰ Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 75.

⁶¹ В. Я. Волчек. Изображения на объектах с протоиндийскими надписями. В кн. «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов». М., 1965, стр. 56.

⁶² J. Marshall and oth. Mohenjodaro..., III, табл. CXII, 382.

Перегородчатые зооморфные печати Южного Туркменистана, при известном элементе условности, представляют художественные явления довольно жизненного стиля, отличного как от манеры орнаментации энеолитической расписной керамики, так и от условно-плоскостного стиля терракот эпохи бронзы. В некоторых отношениях они как бы предвосхищают так

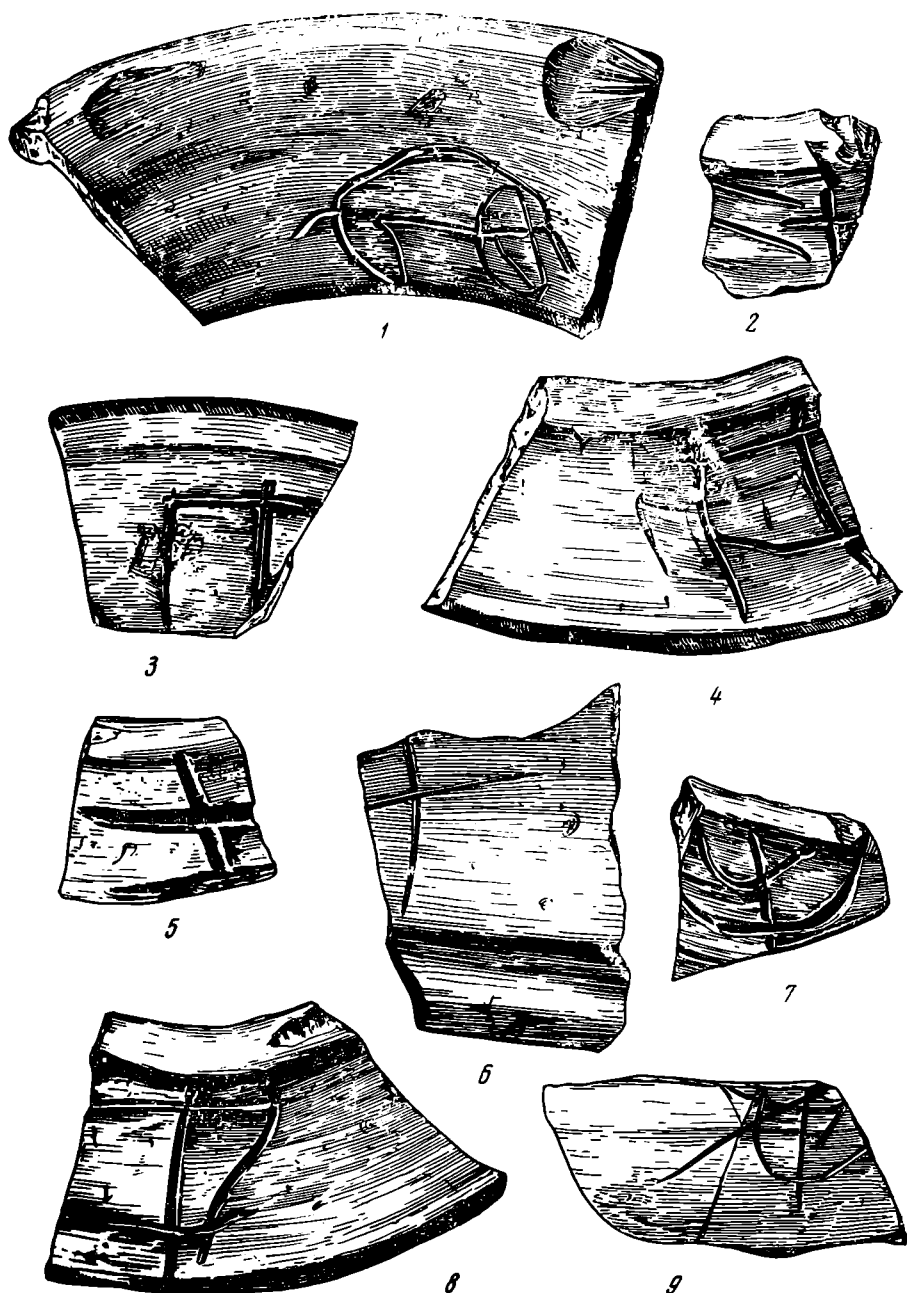

Рис. 16. Алтын-Тепе. Знаки и изображения на керамике

называемый звериный стиль скифо-сакского круга. Во всяком случае, после этих находок можно предположить, что оседлые поселения Южного Туркменистана были одной из областей, где шло формирование глубинных традиций, явившихся одним из компонентов этого художественного явления.

Семантическая связь печатей с более ранней магической символикой достаточно характерна. В. К. Афанасьева справедливо отмечает, что и ранне-

шумерская глиптика тесно связана с магией и с магическим отношением к следу и что в этом «заложена тенденция к развитию печати как знака собственности — от охраны собственности при помощи магии к ее (собственности) юридической охране»⁶³. К сожалению, пока трудно конкретно судить о значении южнотуркменистанских печатей как знаков собственности. Подробно глиптике ранней Месопотамии, сюжеты печати здесь мало отличаются друг от друга.

Часто печати различаются почти незаметными деталями. В коллективном погребении, насчитывающем 14 человек (раскоп 5, помещение 13), печати имеются только у двух погребенных, что позволяет высказать предположение о принадлежности печатей лишь определенной категории лиц (главе семейства, старейшины погребенного здесь коллектива?). Пока известен лишь один оттиск крестообразной печати, нанесенный на овальный глиняный кружок с отверстием и подвергнутый затем обжигу. Печати могли употребляться при опечатывании различных групп вещей, находившихся в общинной или семейной собственности. В качестве этнографической параллели укажем на деревянную печатку для клеймения урожая из Афганистана, где, кстати, в овале помещена шестилучевая розетка⁶⁴.

Четвертая весьма заманчивая, хотя и очень сложная, проблема — о возникновении пиктографической письменности — встала уже в ходе работ на Алтын-Тепе.

Вначале мы имели довольно ограниченный материал — знаки на черенках⁶⁵. Потом было получено значительное количество знаков на статуэтках.

Знаки сделаны на глине до обжига, главным образом на подставках (рис. 16). Наиболее обычен знак в виде креста, иногда с дополнительными элементами, но имеются и более сложные метки, в том числе изображения животного. Всего по материалам Алтын-Тепе насчитывается восемь разновидностей знаков. Традиция знаков на подставках сохраняется в пору Намазга VI. На Намазга-Тепе в соответствующих слоях известны изображения креста, свастики и трехпалой лапы, а на одном из мургабских поселений — козла. Наличие на сосудах различных знаков — явление, хорошо известное для первобытной археологии Древнего Востока. Так, на кветтских поселениях, в основном одновременных Хараппе, насчитывается до 60 различных знаков, процарапанных на сосудах, и для ряда из них В. Ферсервис приводит вполне убедительные параллели в иероглифе хараппских печатей⁶⁶.

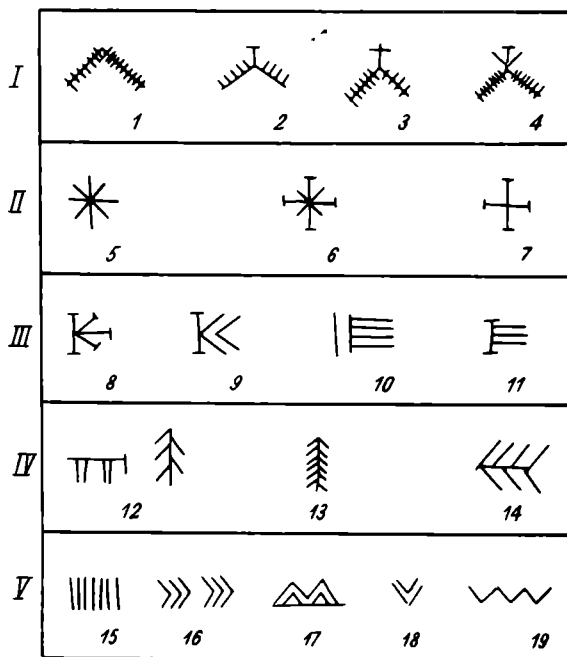

Рис. 17. Алтын-Тепе и Хапуз-Тепе. Знаки на женских терракотовых статуэтках

⁶³ В. К. Афанасьев. Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике. Автореф. канд. дис. Л., 1965, стр. 7, 8.

⁶⁴ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букин и ч. Земледельческий Афганистан. В кн.: Н. И. Вавилов. Избранные труды. I, М.—Л., 1959, стр. 188, рис. 89.

⁶⁵ В. М. Массон. Раскопки на Алтын-Тепе, стр. 69.

⁶⁶ W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley. New York, 1956, стр. 328, 329.

Не меньшее сходство между знаками, нарисованными на сосудах со знаменитого яншаоского поселения Бань-По, и иньскими иероглифами⁶⁷. В большинстве случаев исследователи склонны рассматривать эти знаки как метки мастеров-керамистов. Для южнотуркменистанских материалов показательно нанесение знаков преимущественно на один вид керамики и преобладание фигуры креста, что может указывать на его значение как оберега.

Значительно большее разнообразие имеют знаки на статуэтках, которые можно разделить на пять групп (рис. 17). К первой группе относятся треугольники с ресничками, иногда имеющие наверху в виде креста или иной фигуры (№ 1—4). Знаки эти располагаются спереди на руках и на спине в нижней части туловища, где в одном случае помещен удвоенный знак. Во вторую группу можно объединить знак креста с поперечными черточками на концах (№ 7) и знак восьмилучевой звезды (№ 5), связанный с ним через промежуточную разновидность (№ 6). В третью группу включены знаки, в состав которых входит вертикальная черточка обычно с поперечинами снизу и сверху (№ 8—11). С меньшей уверенностью можно говорить о двух других группах. Так, в четвертую группу объединены знаки с вертикальным или горизонтальным изображением дерева (№ 12—14). В двух случаях такой знак нанесен спереди на руке женских статуэток (№ 14). Удвоенный знак № 13 помещен на животе мужской фигурки, а дерево с козлом (?) изображено в нижней части тулова на женской статуэтке. Знаки пятой группы (№ 15—19) можно было бы считать элементами орнаментации, если бы не их расположение на руках в местах, обычных для знаков 1—3 групп. Правда, знак № 16, возможно, всего лишь разновидность знака № 14.

Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с магическими и культовыми знаками, связанными с культовым характером терракот. Изображения животных на бедрах женских статуэток известны еще для поры энеолита⁶⁸. Важно отметить значительное разнообразие знаков и наличие в их основе какой-то неясной нам системы. Может быть, не случайно знак № 8 встречен на статуэтках из Алтын-Тепе и на отдаленном от него почти на 100 км Хапуз-Тепе. Вполне вероятно, что отдельные знаки или группы знаков олицетворяли конкретные божества. Выше уже отмечалось, что восьмилучевая звезда на рельефе Аннубанини является символом Инанны-Иштар. Этот знак известен и в шумерской пиктографии, где означал AN — «божество, небо», перейдя с этим же значением в клинопись⁶⁹.

По внешнему виду алтыновские знаки ближе стоят к шумерской и протоэламской пиктографии, чем к хараппским надписям. Так, наша первая группа имеет некоторые аналогии в Эламе (где этот знак имеет реснички с трех сторон)⁷⁰. Там же встречаются восьмилучевая звезда⁷¹ и крест с ограниченными концами⁷². Некоторые параллели для знаков № 10 и 11 можно найти в Эламе⁷³ и особенно в Шумере⁷⁴. В обеих странах в пиктографии широко распространен и мотив дерева, встречающийся в самых различных сочетаниях⁷⁵. Разумеется, подобные сопоставления не свидетельствуют о необходимости «читать» знаки на алтыновских статуэтках, исходя из системы древнешумерской или протоэламской письменности, хотя

⁶⁷ The Neolithic Village of Pan Po, Sian, Peking, 1963, стр. 196—198, 317, 318; табл. CLXIX—CLXXI.

⁶⁸ В. М. М а с с о н. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 363, рис. 69.

⁶⁹ A. Falkenstein. Archaische Texte aus Uruk. Leipzig, 1936, 192.

⁷⁰ R. de Mesquena. Epigraphie proto-élamite. Mémoires de la Mission archéologique en Iran, XXXI, Paris, 1949, табл. XXX, 1847—1869. Однако ср. табл. XXXI, 1896.

⁷¹ Там же, табл. XVI, 399—402.

⁷² Там же, табл. XVIII, 592, 594.

⁷³ Там же, табл. XXIX, 1725.

⁷⁴ A. Falkenstein. Ук. соч. 322a; 322b.

⁷⁵ Там же, 141, 143, 288 и многие другие; R. de Mesquena. Ук. соч., табл. XIII, 127, 134.

последняя не находилась в столь значительном разрыве во времени с нашими памятниками⁷⁶.

Знаки на керамике и культовые символы на терракотах образуют близкие к пиктографии группы знаков и изображений⁷⁷, повлиявшие в конечном итоге на сложение пиктографической системы письма, хотя сами еще не являются письмом в собственном смысле. Видимо, в Южном Туркменистане в пору развитой бронзы (Намазга V) шел процесс сложения письменности, но о степени его развития трудно судить до новых находок. В этом отношении особый интерес представляет обломок терракотовой плитки (явно не статуэтки и не реликвария), найденной на «холме стены» Алтын-Тепе (рис. 9, 4). Среди знаков, нанесенных на эту плитку до ее обжига, можно различить изображения четырех пирамидок (эволюционирующих в знаки № 1—4?) и два других знака (один из них близок к № 19). Было бы соблазнительно видеть в этом обломке часть какой-то пиктографической записи, но лучше подождать до обнаружения более выразительных образцов.

Пятая проблема — об уровне общественного развития, достигнутого южнотуркменистанскими общинами в пору развитой бронзы, принадлежит к таким, разрешить которую на одном археологическом материале чрезвычайно трудно. Необходимы весьма широкие раскопочные работы и массовый материал для сколько-нибудь обоснованных выводов, а в настоящее время его недостаточно.

Сравнительно высокий уровень производительных сил позволяет допустить весьма развитую имущественную дифференциацию. Если сопоставлять инвентарь погребальной камеры в раскопе 5 с захоронениями на окраине «холма ремесленников», лишенными вещей, то можно говорить о некоторой «зажиточности» обитателей «холма стены». Состав этого погребения, по-видимому, характеризует основную ячейку алтыновского общества — семейную общину. Однако в целом захоронения в камерах представляют собой довольно рядовые погребения: их инвентарь не намного богаче, чем это было в аналогичной камере времени Намазга III, открытой на Кара-Тепе. Относительно более богатым выглядит «погребение жрицы» с ее золотыми кольцами и эффективными бусами (рис. 15), напоминающими описание одеяния шумерской Инанны⁷⁸. Богатые погребения вождей, подобные открытым в Гиссаре, нам еще не встретились. Накопление имущества, хотя и в сравнительно скромных масштабах, видно по таким находкам, как клад металлических вещей в Намазга-Тепе и два клада в Алтын-Тепе.

Весьма существенным является вопрос о социальном характере тех крупных поселений, какими являлись в древности Алтын-Тепе и Намазга-Тепе. Будучи местом сосредоточения ремесла и, видимо, торговли, они выполняли одну из функций, свойственных городским поселениям. При этом не следует забывать, что города Древнего Востока были также (если не в первую очередь) центрами сельскохозяйственной округи и их население в значительной мере составляли земледельцы. Правда, ни на Алтын-Тепе, ни на Намазга-Тепе мы пока не находим развитой системы фортификационных сооружений со сложными предвратными постройками и системой оборонительных башен, что, на наш взгляд, следует считать одним из признаков города. Отсутствуют здесь цитадели, неизвестны и памятники монументальной архитектуры, хотя последнее, возможно, связано лишь с ограниченным размером раскопанных площадей. Поэтому нужно более осторожно говорить о развитии в Южном Туркменистане в пору Намазга V протогородской ци-

⁷⁶ Эламская иероглифика доживает до конца III — начала II тысячелетия до н. э., когда ее окончательно вытесняет клинопись. И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 99. Как известно, еще в начале III тысячелетия до н. э. протоэламские таблички проникали в центральный Иран (Силк IV).

⁷⁷ В. А. И с т р и н. Развитие письма М., 1961, стр. 50.

⁷⁸ С. Н. Крамер. История начинается в Шумере, стр. 185: «Бусы из мелкого лазурита она привязала к шее. Двойные камни «нунуа» она прикрепила на груди. Золотое кольцо она зажала в руке...».

визации, напоминающей по своему уровню урукский период Месопотамии. Для своего времени это была, бесспорно, наиболее развитая оседлая культура на территории СССР, близкая по характеру к городам Древнего Востока, как это справедливо отметил А. В. Ардиховский.

В литературе высказывались мнения о наличии в Южном Туркменистане в эпоху бронзы уже сложившегося классового общества⁷⁹; что вызвало возражения, в том числе и автора настоящей статьи⁸⁰. Нам по-прежнему представляется, что можно говорить лишь о тенденции развития классового общества, а не о завершении самого процесса. Тем более, что в археологии критерии определения грани между первобытным и раннеклассовым обществом еще не вполне ясны. Так, большинство советских специалистов по истории Древнего Востока в качестве начальной даты классового общества на юге Двуречья называют 3000 г. до н. э.⁸¹ При этом за рамками этого общества остается (с нашей точки зрения, напрасно) время раннего Джемдет-Насра (XXXII—XXXI вв. до н. э.) и позднего Урука (XXXIV—XXXIII вв. до н. э.) с их храмовым хозяйством, использующим сложную систему учета и развитый административный персонал, что отражено в письменных документах. Нам совершенно ясно, что материалы времени Намазга V освещают важнейший в истории человечества период становления первой классовой формации, что лишний раз подчеркивает теоретическую важность изучения памятников эпохи бронзы Южного Туркменистана.

Наконец, шестая проблема, возникающая в связи с изучением памятников эпохи бронзы в Южном Туркменистане — их место в истории Древнего Востока и прилегающих стран. Алтын-Тепе и Намазга-Тепе входили в систему северной периферии древневосточных государств, протянувшейся от Южного Афганистана до Западного Ирана включительно. Вся эта проблема имеет ряд аспектов — политических и экономических взаимоотношений, культурных связей и влияний, этногенетических процессов и явлений, общности исторических судеб отдельных областей и движущих причин подобных явлений. Ставить и разрешать соответствующие вопросы следует не в скоропалительном порядке общих формулировок, а по мере накопления конкретного фактического материала.

В настоящее время материал появился по вопросу о связях и контактах, движущим механизмом которых была, скорее всего, торговля. В этом отношении особое значение имеет первый клад, найденный на Алтын-Тепе А. Ф. Ганялиным. В его состав, помимо глиняных сосудов местного изготовления, входит темно-серый графин, привезенный из Северо-Восточного Ирана, и изделия из слоновой кости индийского происхождения. Особый интерес представляют упоминавшиеся выше три палочки из слоновой кости, идентичные аналогичным предметам, обнаруженным при раскопках Мохенджо-Даро. Как отметил У. Норман Браун, в санскритских текстах, восходящих к IV в., описываются аналогичные палочки, употреблявшиеся, однако, не для игры, а для гадания. В тексте Пашака-кевали приводятся подробные толкования различных комбинаций при выбрасывании трех палочек, имеющих на сторонах кружковые изображения для 1, 2, 3, и 4⁸². На палочках Алтын-Тепе и Мохенджо-Даро значение «четыре» еще отсутствует. Видимо, предприимчивый обитатель Алтын-Тепе, замуровавший в сте-

⁷⁹ А. В. Ардиховский. Рец.: С. П. Толстов. Древний Хорезм. «Советская книга», 1949, 3, стр. 75, 76; А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Тр. ИИАЭ, II, 1956, стр. 8, 9; А. В. Виноградов, М. А. Итина. Рец.: Тр. ЮТАКЭ, VII. СЭ, 1959, 1, стр. 162—164.

⁸⁰ Б. А. Куфтин. Полевой отчет..., стр. 286; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 123—125; И. М. Дьяконов. Рец.: В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. ВДИ, 1960, 3, стр. 200.

⁸¹ В. В. Струве. Древнейшие государства в Двуречье. Всемирная история. I, М., 1956, стр. 196; И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, стр. 166.

⁸² W. Norman Brown. The Indian Games of Pachisi, Chaupar and Chausar. «Expedition», 6, 1964, 3, стр. 34.

не этот клад и возможно, сам бывший торговцем, овладел искусством гадания, распространенном в городах долины Инда, равно как и игрой, для которой он приберег индийские же фишки из слоновой кости. С меньшей уверенностью можно судить об импортных вещах в составе второго клада. Возможно, к их числу принадлежит фаянсовый сосудик и фаянсовая печать овальной формы с волнистыми линиями. Печати такого вида не характерны для глиптики Алтын-Тепе и Намазга-Тепе, представленной уже несколькими десятками образцов. Если оба предмета являются привозными, то они имеют скорее всего не индийское, а какое-то западное происхождение.

Наличие вещей бесспорно хараппского происхождения имеет большое значение для понимания многочисленных аналогий между южнотуркменистанской культурой и городской цивилизацией долины Инда. Хараппские воздействия, наблюдаемые в керамике и металлургии (последнее отметила еще Е. Е. Кузьмина)⁸³, можно объяснять прямым подражанием древнеиндийским образцам, достигавшим далекой окраины тогдашнего культурного мира в результате торговли и обмена. Видимо, по этим же торговым путям шло интенсивное культурное влияние со стороны нового мощного очага городской цивилизации, каким стала в 2400—1800 гг. до н. э. долина Инда. Возможно, удастся проследить и встречные связи в хараппской культуре⁸⁴.

В последние годы был получен значительный материал, характеризующий юго-западное, преимущественно морское, направление хараппской торговли. Выделение группы печатей, стилистически и территориально занимающих промежуточное положение между месопотамской и хараппской глиптикой (так называемые «печати Персидского залива»)⁸⁵, открытие хараппского порта на Катхиаварском полуострове⁸⁶ и обнаружение в этом порту печати названной выше группы⁸⁷, повторное обследование хараппской военно-торговой фактории в Мекране⁸⁸ — все это с новой силой поставило вопрос о месопотамо-индийских связях, стимулировало поиски упоминаний хараппской цивилизации в шумерских источниках⁸⁹. Хараппские параллели, в свою очередь прослеживаемые на южнотуркменистанских материалах, заставляют обратить особое внимание также на северо-западное направление торговых связей цивилизации долины Инда. Вероятно, именно этой северной торговле хараппских городов обязан своим подъемом южноафганистанский Мундигак, правитель которого имел возможность контролировать поток меди и лазурита, идущий в города долины Инда. Хараппское направление культурных и торговых связей южнотуркменистанских общин эпохи бронзы особенно показательно, поскольку в пору энеолита доминирующее значение имели шумеро-эламские связи. Видимо, решающую роль сыграло само сложение городской цивилизации Хараппы, достигшей к концу III тысячелетия до н. э. расцвета и ставшей мощным центром торговых связей и культурных влияний. Проникновению хараппских изделий на южнотуркменистанский рынок могло способствовать и вторжение в XXIII в. до н. э. в Месопотамию гутиев, в сильной

⁸³ Е. Е. Кузьмина. Развитие производства..., стр. 10.

⁸⁴ Например, печати с крестовидным рисунком. И. Н. Хлопин. Изображение креста..., стр. 20.

⁸⁵ G. Bibby. The «Ancient Indian Style» Seals from Bahrein. «Antiquity», XXII, 1958, 128, стр. 243—246. Отмечена находка таких печатей с месопотамской табличкой, датированной приблизительно 1923 г. до н. э. E. Porada. The relative Chronology of Mesopotamia. I. Seals and Trade. В кн.: «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago — London, 1965, стр. 171.

⁸⁶ S. R. Rao. Shipping and Maritime Trade of the Indus People. «Expedition», 7, 1965, 3, стр. 30—37.

⁸⁷ S. R. Rao. A «Persian Gulf» Seal from Lothal. «Antiquity», XXXVI, 1963, 146, стр. 96—99.

⁸⁸ G. F. Dales. Harappan Outposts on the Makran Coast. «Antiquity», XXXV, 1962, 142, стр. 86—92.

⁸⁹ S. N. Kramer. Dilmun: Quest for Paradise. «Antiquity», XXXVI, стр. 111—115.

мере отразившееся на упадке городов⁹⁰ и, надо полагать, нарушившее иноземные торговые связи, особенно восточного направления. Как полагают некоторые исследователи, вторжение гутиев тяжело отразилось и на Эламе⁹¹

Большой исторический интерес представляет вопрос об упадке крупных протогородских центров Южного Туркменистана, хронологически близком времени запустения городов долины Инда. Пока можно лишь отметить, что это запустение носило постепенный характер. Так, на Алтын-Тепе сравнительно рано был заброшен «холм стены» и дольше всего продолжалось функционирование традиционного центра керамического производства на «холме ремесленников». Работы И. Н. Хлопина на «вышке» Намазга-Тепе открывают возможности для развернутой характеристики «упадочной культуры» поры поздней бронзы (Намазга VI). Примечательно, что при упадке крупных центров в эту пору сохраняются традиции высокоразвитого ремесла («квартал с горнами» на «вышке») и по-прежнему употребляются знаки на керамических подставках, хотя эти знаки становятся менее разнообразными. Дальнейшие полевые исследования должны дать новый материал для характеристики зарождения, подъема и упадка протогородской цивилизации, некогда процветавшей на юго-западе Средней Азии.

⁹⁰ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй..., стр. 239, 240.

⁹¹ W. Hinz. Persia..., стр. 12.